

Сергей Федорович Платонов. Полный курс лекций по русской истории

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Смута в Московском государстве.

Избрание на царство Михаила Федоровича Романова.

Выборные люди съехались в Москву в январе 1613 г. Из Москвы просили города прислать для царского выбора людей «лучших, крепких и разумных». Города, между прочим, должны были подумать не только об избрании царя, но и о том, как «строить» государство и как вести дело до избрания, и об этом дать выборным «договоры», т. е. инструкции, которыми те должны были руководствоваться. Для более полного освещения и понимания собора 1613 г. следует обратиться к разбору его состава, который может быть определен лишь по подписям на избирательной грамоте Михаила Федоровича, написанной летом 1613 г. На ней мы видим всего 277 подписей, но участников собора, очевидно, было больше, так как не все соборные люди подписывали соборную грамоту. Доказательством этого служит, например, следующее: за Нижний Новгород на грамоте подписались 4 человека (протопоп Савва, 1 посадский, 2 стрельца), а достоверно известно, что нижегородских выборных было 19 человек (3 попа, 13 посадских, дьякон и 2 стрельца). Если бы каждый город удовлетворялся десятью человеками выборных, как определил их число кн. Дм. Мих. Пожарский, то выборных в Москве собралось бы до 500 человек, так как на соборе участвовали представители 50 городов (северных, восточных и южных); а вместе с московскими людьми и духовенством число участников собора простиралось бы до 700 человек. Собор был действительно многолюден. Собирался он часто в Успенском соборе, быть может, именно потому, что из других московских зданий ни одно не могло бы его вместить. Теперь является вопрос, какие классы общества были представлены на соборе и полон ли был собор по своему сословному составу. Из 277 упомянутых подписей 57 принадлежат духовенству (частью «выборному» из городов), 136 – высшим служилым чинам (боярам – 17), 84 – городским выборным. Выше уже сказано, что этим цифровым данным далеко нельзя верить. По ним провинциальных выборных на соборе было мало, а на деле эти выборные несомненно составляли большинство, и, хотя с точностью нельзя определить ни их количества, ни того, сколько было из них тяглых и сколько служилых людей, тем не менее можно сказать, что служилых было, кажется, более, чем посадских, но и посадских был очень большой процент, что на соборах редко бывало. И, кроме того, есть следы участия «уездных» людей (12 подписей). Это были, во-первых, крестьяне не владельческих, а черных государевых земель, представители свободных северных крестьянских общин, а во-вторых, мелкие служилые люди из южных уездов. Таким образом, представительство на соборе 1613 г. было исключительно полным.

О том, что происходило на этом соборе, мы ничего точного не знаем, потому что в актах и литературных трудах того времени остались только отрывки преданий, намеки и легенды, так что историк здесь находится как бы среди бессвязных обломков древнего здания, восстановить облик которого он не имеет сил. Официальные документы ничего не говорят о ходе заседаний. Сохранилась, правда, избирательная грамота, но она нам мало может помочь,

так как написана далеко не самостоятельно и притом не заключает в себе сведений о самом ходе избрания. Что же касается до неофициальных документов, то они представляют собой или легенды, или скудные, темные и риторические рассказы, из которых ничего нельзя извлечь определенного.

Однако попробуем восстановить не картину заседаний – это невозможно, – а общий ход прений, общую последовательность избирательной мысли, как она пришла к личности Михаила Федоровича. Избирательные заседания собора начались в январе. От этого месяца до нас дошел первый по времени документ собора – именно грамота, данная кн. Трубецкому на область Вагу. Эта область, целое государство по пространству и богатству, в XVI и XVII столетиях обыкновенно давалась во владение человеку, близкому к царю; при Федоре Ивановиче она принадлежала Годунову, при Вас. Ив. Шуйском – Дмитрию Шуйскому теперь же переходила к знатному Трубецкому, по своему боярскому чину занявшему тогда одно из первых мест в Москве. Затем стали решать вопрос об избрании, и первым постановлением собора было не выбирать царя из иностранцев. К такому решению пришли, конечно, не сразу, да и вообще заседания собора были далеко не мирного свойства. Летописец об этом говорит, что «по многи дни бысть собрании людям, дела же утвердити не могут и все мятутся семо и овамо», другой летописец также свидетельствует, что «многое было волнение всяким людям, кийждо бо хотяше по своей мысли деяти». Царь из иностранцев многим казался тогда возможным. Незадолго перед собором Пожарский ссылался со шведами об избрании Филиппа, сына Карла IX; точно так же начал он дело об избрании сына германского императора Рудольфа. Но это был только дипломатический маневр, употребленный им с целью приобрести нейтралитет одних и союз других. Тем не менее мысль об иноземном царе была в Москве, и была именно у боярства: такого царя хотели «начальницы», говорит псковский летописец. «Народы же ратные не восхотели ему быти», – прибавляет он дальше. Но желание боярства, надеявшегося лучше устроиться при иноземце, чем при русском царе из их же боярской среды, встретилось с противоположным ему и сильнейшим желанием народа избрать царя из своих. Да это и понятно: разве мог народ симпатизировать иностранцу, когда ему так часто приходилось видеть, какими насилиями и грабежами сопровождалось на Руси появление иноземной власти? По мнению народа, иноземцы повинны были в смуте, губившей Московское государство.

Порешив один трудный вопрос, стали намечать кандидатов из московских родов. «Говорили на соборах о царевичах, которые служат в Московском государстве, и о великих родех, кому из них Бог даст... быть государем». Но тут-то и пришла главная смута. «Много избирающи искаху» не могли ни на ком остановиться: одни предлагали того, другие – другого, и все говорили разное, желая настоять на своей мысли. «И тако препроводиша не малые дни», по описанию летописца.

Каждый участник собора стремился указать на тот боярский род, которому он сам более симпатизировал, в силу ли его нравственных качеств, или высокого положения, или же просто руководясь личными выгодами. Да и многие бояре сами надеялись сесть на московский престол. И вот наступила избирательная горячка со всеми ее атрибутами – агитацией и подкупами. Откровенный летописец указывает нам, что избиратели действовали не совсем бескорыстно. «Многие же от вельмож, желаючи царем быти, подкупахуся многим и даючи и

обещаючи многие дары». Кто выступал тогда кандидатами, кого предполагали в цари, прямых указаний на это мы не имеем; предание же в числе кандидатов называет В. И. Шуйского, Воротынского, Трубецкого. Ф. И. Шереметев хлопотал за родню свою М. Ф. Романова. Современники, местничаясь с Пожарским, обвиняли его в том, что он, желая царствовать, истратил 20 тыс. рублей на подкупы. Нечего и говорить, что подобное предположение о 20 000 просто невероятно уже потому, что даже казна государева тогда не могла сосредоточить у себя такой суммы, не говоря о частном лице.

Споры о том, кого избрать, шли не только в одной Москве: сохранилось, мало впрочем вероятное, предание, что Ф. И. Шереметев был в переписке с Филаретом (Федором) Никитичем Романовым и В. В. Голицыным, что Филарет говорил в письмах о необходимости ограничительных условий для нового царя, а что Ф. И. Шереметев писал Голицыну о выгоде для бояр избрать Михаила Федоровича в следующих выражениях: «Выберем Мишу Романова, он молод и нам будет поваден». Эта переписка была найдена Ундольским в одном из московских монастырей, но в печать до сих пор не попала и где находится – неизвестно, Лично мы не верим в ее существование. Есть предание, тоже малодостоверное, и о переписке Шереметева с инокиней Марфой (Ксенией Ивановной Романовой), в которой последняя заявляла о своем нежелании видеть сына на престоле. Если бы действительно существовали сношения Романовых с Шереметевым, то в таком случае Шереметев знал бы о местопребывании своей корреспондентки, а он, как можно думать, этого не знал.

Наконец, 7 февраля 1613 г. пришли к решению избрать Михаила Федоровича Романова. По одной легенде (у Забелина), первый на соборе заговорил о Михаиле Федоровиче какой-то дворянин из Галича, принесший на собор письменное заявление о правах Михаила на престол. То же самое сделал какой-то донской атаман. Далее, Палицын в своем «Сказании» смиренным тоном заявляет, что к нему пришли люди многих городов и просили передать царскому синклиту «свою мысль об избрании Романова»; и по представительству этого святого отца будто бы «синклит» избрал Михаила. Во всех этих легендах и сообщениях особенно любопытна та черта, что почин в деле избрания Михаила принадлежит не высшим, а мелким людям. Казачество, говорят, также стояло за Михаила.

С 7-го числа окончательный выбор был отложен до 21-го, и посланы были в города люди, кажется, участники собора, узнать в городах мнение народа о деле. И города высказались за Михаила. К этому времени надо относить рассказы А. Палицына о том, что к нему явился какой-то «гость Смирный» из Калуги с известием, что все северские города желают именно Михаила. Стало быть, против Михаила, насколько можно думать, были голоса только на севере, народная же масса была за него. Она была за него еще в 1610 г., когда и Гермоген, при избрании Владислава, и народ высказывались именно за Михаила. Поэтому возможна мысль о том, что собор приведен к избранию Михаила Федоровича давлением народной массы. У Костомарова («Смутное время») эта мысль мелькает, но очень слабо и неопределенно. Ниже мы будем иметь повод на ней остановиться.

Когда Мстиславские и другие бояре, а также запоздавшие выборные люди и посланные по областям собрались в Москву, то 21 февраля состоялось торжественное заседание в Успенском соборе. Здесь выбор Михаила был решен

уже единогласно, вслед за чем последовали молебны о здравии царя и присяга ему. Известясь об избрании царя, города еще до получения согласия Михаила присягали ему и подписывали крестоцеловальные записи. По общему представлению, государя сам Бог избрал, и вся земля Русская радовалась и ликовала. Дело теперь оставалось только за согласием Михаила, получить которое стоило немалого труда. В Москве не знали даже, где он находится: посольство к нему от 2 марта отправлено было в «Ярославль или где он, государь, будет». А Михаил Федорович после московской осады уехал в свою костромскую вотчину, Домнино, где чуть было не подвергся нападению польской шайки, от которой спасен был, по преданию, крестьянином Иваном Сусаниным. Что Сусанин действительно существовал, доказательством этого служит царская грамота Михаила, которой семье Сусанина даются различные льготы. Однако между историками велась долгая полемика по поводу этой личности: так, Костомаров, разобрав легенду о Сусанине, свел все к тому, что личность Сусанина есть миф, созданный народным воображением. Такого рода заявлением он возбудил в 60-х годах целое движение в защиту этой личности: явились против Костомарова статьи Соловьева, Домнинского, Погодина. В 1882 г. вышло исследование Самарянова «Памяти Ивана Сусанина». Автор, прилагая карту местности, подробно знакомит нас с путем, по которому Сусанин вел поляков. Из его труда мы узнаем, что Сусанин был доверенным лицом у Романовых, и вообще эта книга представляет богатый материал о Сусанине. Из Домнина Михаил Федорович с матерью переехал в Кострому, в Ипатьевский монастырь, построенный в XIV столетии Мурзой Четом, предком Годунова. Этот монастырь поддерживался вкладами Бориса и при Лжедмитрии был подарен последним Романовым, как предполагают, за все перенесенное ими от Бориса.

Посольство, состоявшее из Феодорита, архиепископа Рязанского и Муромского, Авраамия Палицына, Шереметева и др., приехало вечером 13 марта в Кострому. Марфа назначила ему явиться на другой день. И вот 14 марта посольство, сопровождаемое крестным ходом, при огромном стечении народа, отправилось просить Михаила на царство. Источником для ознакомления с действиями посольства служат нам его донесения в Москву. Из них мы узнаем, что как Михаил, так и инокиня мать сперва безусловно отвергли предложение послов. Последняя говорила, что московские люди «измалодушествовались», что на таком великом государстве и не ребенку править не под силу, и т. д. Долго послам пришлось уговаривать и мать, и сына; они употребили все свое красноречие, грозили даже небесной карой; наконец усилия их увенчались успехом – Михаил дал свое согласие, а мать благословила его. Обо всем этом мы знаем, кроме посольских донесений в Москву, еще из избирательной грамоты Михаила, которая впрочем, в силу ее малой самостоятельности, как мы уже говорили выше, не может иметь особенной ценности: она составлена по образцу избирательной грамоты Бориса Годунова; так, сцена плача народного в Ипатьевском монастыре списана с подобной же сцены, происходившей в Новодевичьем монастыре, описанной в Борисовой грамоте (оттуда взял ее Пушкин для своего «Бориса Годунова»).

Как только согласие Михаила Федоровича было получено, послы стали торопить его ехать в Москву; царь отправился, но путешествие это было чрезвычайно медленно, так как разоренные дороги далеко не могли служить

удобным путем.

Значение новой династии.

Такова внешняя сторона воцарения Михаила Федоровича Романова. Но есть и внутренний смысл в событиях этого важного исторического момента, сокрытый от нас ходячим преданием и восстанавливаемый детальным изучением эпохи.

Посмотрим на эту, так сказать, интимную сторону московских отношений, приведших к образованию новой и притом прочной династии.

В настоящее время можно считать совершенно выясненным, что руководители земского ополчения 1611-1612 гг. ставили своей задачей не только «идти на очищение» Москвы от поляков, но и сломить казаков, захвативших в свои руки центральные учреждения в подмосковных «таборах», а вместе с ними и правительственную власть. Как ни слаба была на деле эта власть, она становилась поперек дороги всякой иной попытке создать центр народного единения; она покрывала своим авторитетом «всея земли» казачьи бесчинства, терзавшие земщину, она грозила, наконец, опасностью социального переворота и водворения в стране «воровского» порядка или, вернее, беспорядка. Обстоятельства поставили для князя Пожарского войну с казаками в первую очередь: казаки сами открыли военные действия против нижегородцев. Междоусобная война русских людей шла без помехи со стороны поляков и литвы почти весь 1612 год. Сначала Пожарский выбил казаков из Поморья и Поволжья и отбросил их к Москве. Там, под Москвой, они были не только не вредны, но даже полезны для целей Пожарского тем, что парализовали польский гарнизон столицы. Предоставляя обоим своим врагам истощать себя взаимной борьбой, Пожарский не спешил из Ярославля к Москве. Ярославские власти думали даже и государя избрать в Ярославле и собирали в этом городе совет всей земли не только для временного управления государством, но и для государева «обиранья». Однако приближение к Москве вспомогательного польско-литовского отряда вынудило Пожарского выступить к Москве, – и там, после победы над этим отрядом, разыгрался последний акт междоусобной борьбы земцев и казаков. Приближение земского ополчения к Москве заставило меньшую половину казачества отложиться от прочей массы и вместе с Заруцким, ее атаманом и «боярином», уйти на юг. Другая, большая половина казаков, чувствуя себя слабее земцев, долго не решалась ни бороться с ними, ни подчиниться им. Надобен был целый месяц смут и колебаний, чтобы предводитель этой части казачества, тушинский боярин кн. Д. Т. Трубецкой, мог вступить в соглашение с Пожарским и Мининым и соединил свои «приказы» с земскими в одно «правительство». Как старший по своему отчету и чину, Трубецкой занял в этом правительстве первое место; но фактическое преобладание принадлежало другой стороне, и казачество, в сущности, капитулировало перед земским ополчением, поступив как бы на службу и в подчинение земским властям. Разумеется, это подчинение не могло сразу стать прочным, и летописец не раз отмечал казачье своеволие, доводившее рать почти «до крови», однако дело стало ясно в том отношении, что казачество отказалось от прежней борьбы с основами земского порядка и от первенства во власти.

Казачество распалось и отчаялось в своем торжестве над земщиной.

Такое поражение казачества было очень важным событием во внутренней истории московского общества, не менее важным, чем «очищение» Москвы. Если с пленом польского гарнизона падала всякая тень власти Владислава на Руси, то с поражением казачества исчезла всякая возможность дальнейших самозванческих авантур. Желавшее себе царя «от иноверных» московское боярство навсегда сошло с политической арены, разбитое бурями смутной поры. Одновременно с ним проиграла свою игру и казачья вольница с ее тушинскими вожаками, измышлявшими самозванцев. К делам становились «последние» московские люди, пришедшие с Кузьмой Мининым и Пожарским городские мужики и рядовые служилые люди. У них была определенная мысль «иных некоторых земель людей на Московское государство не обирать и Маринки с сыном не хотеть», а хотеть и обирать кого-нибудь из своих «великих родов». Так само собой намечалось главное условие предстоявшего в Москве царского избрания; оно вытекало из реальной обстановки данной минуты, как следствие Действительного взаимоотношения общественных сил.

Сложившаяся в ополчении 1611-1612 гг. правительственная власть была создана усилиями средних слоев московского населения и была их верной выразительницей. Она овладела государством, очистила столицу, сломила казачьи таборы и подчинила себе большинство организованной казачьей массы. Ей оставалось оформить свое торжество и царским избранием вернуть стране правильный правительственный порядок. Недели через три после взятия Москвы, т. е. в середине ноября 1612 г., временное правительство уже посылает в города приглашения прислать в Москву выборных и с ними о государственном избрании «совет и договор крепкой». Этим как бы открывался избирательный период, заверченный в феврале избранием царя Михаила. Толки о возможных кандидатах на престол должны были начаться немедленно. Хотя мы вообще и очень мало знаем о таких толках, однако можем – из того, что знаем, – извлечь несколько ценнейших наблюдений над взаимоотношениями существовавших тогда общественных групп.

Недавно стало известно (в издании А. Гиршберга) одно важное показание о том, что делалось в Москве в самом конце ноября 1612 г. В эти дни польский король послал свой авангард под самую Москву, а в авангарде находились и русские «послы» от Сигизмунда и Владислава к московским людям, именно: князь Данило Мезецкий и дьяк Иван Грамотин. Они должны были «зговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на царство». Однако все их посланки в Москву не привели к добру, и Москва начала с польским авангардом «задор и бой». В бою поляки взяли в плен бывшего в Москве смоленского сына боярского Ивана Философова и сняли с него допрос. То, что показал им Философов, было давно известно из московской летописной записи. Его спрашивали: «хотят ли взять королевича на царство? и Москва ныне людна ли и запасы в ней есть ли?» По выражению летописца, Философову «даде Бог слово, что глаголати», он сказал будто бы полякам: «Москва людна и хлебна, и на то все обещахомся, что всем помереть за православную веру, а королевича на царство не имати». Из слов Философова, думает летописец, король вывел заключение, что в Москве много сил и единогодушия, и потому ушел из Московского государства. Не так давно напечатанный документ освещает иным светом показание Философова. В изданных А. Гиршбергом материалах по

истории московско-польских отношений мы читаем подлинный отчет королю и королевичу князя Д. Мезецкого и Ив. Грамотина о допросе Философова. Они, между прочим, пишут: «А в роспросе, господари, нам и полковником сын боярской (именно Иван Философов) сказал, что на Москве у бояр, которые вам, великим государям, служили, и у лучших людей хотение есть, чтоб просити на господарство вас, великаго государя королевича Владислава Жигимонтовича, а именно де о том говорити не смеют, боясь казаков, а говорят, чтобы обрать на государство чужеземца; а казаки де, господари, говорят чтоб обрать кого из русских бояр, а примеривают Филаретова сына и Воровского Колужскаго. И во всем де и казаки бояром и дворяном сильны, делают что хотят; а дворяне де и дети боярские разъехались по поместьям, а на Москве осталось дворян и детей боярских всего тысячи с две, да казаков полпяты тысячи человек (т. е. – 4500), да стрельцов с тысячу человек, да мужики чернь. А бояр де, господари, и князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи, которые на Москве сидели, в Думу не припускают, а писали об них в города ко всяким людям: пускать их в Думу, или нет? А делает всякие дела князь Дмитрий Трубецкой да князь Дмитрий Пожарский, да Куземка Минин. А кому вперед быти на господарстве, того еще не постановили на мере». Очевидно, что из этих слов отчета о показании Философова польский король извлек не совсем те выводы, какие предположил московский летописец. Что в Москве большой гарнизон, король мог не сомневаться: семь с половиной тысяч ратных людей, кроме черни, годной по тем временам для обороны стен, составляли внушительную силу. Среди гарнизона не было единодушия, но Сигизмунд видел, что в Москве преобладают, и притом решительно преобладают, враждебные ему элементы. Не питая надежд на успех, он и решился повернуть назад.

Такова обстановка, в какой известно нам показание Философова. Обе воевавшие стороны придавали ему большое значение. Москва знала его не в деловой, а, так сказать, в эпической редакции; отступление Сигизмунда, бывшее или казавшееся последствием речей Философова, придало им ореол патриотического подвига, и самые речи редактировались летописцем под впечатлением этого подвига, слишком благородно и красиво. Король же узнал показание Философова в деловой передаче такого умного дельца, каков был дьяк Ив. Грамотин. Сжато и метко очерчивается в отчете кн. Мезецкого и Грамотина положение Москвы, и мы в интересах научной правды можем смело положиться на этот отчет.

Становится ясно, что через месяц по очищении Москвы главные силы земского ополчения были уже демобилизованы. По обычному московскому порядку, с окончанием похода служилые отряды получали разрешение возвращаться в свои уезды «по домам». Взятие Москвы было тогда понято как конец похода. Содержать многочисленное войско в разоренной Москве было трудно; еще труднее было служилым людям кормиться там самим. Не было и основания для того, чтобы держать в столице большие массы полевого войска – дворянской конницы и даточных людей. Оставив в Москве необходимый гарнизон, остальных сочли возможным отпустить домой. Это-то и понимает летописец, когда говорит о конце ноября: «Людие ж с Москвы все розъехались». В составе гарнизона, опять-таки по обычному порядку, были московские дворяне, некоторые группы провинциальных, «городовых», дворян (сам Иван Философов, например, был не москвич, а «смолянин», т. е. из смоленских

дворян), далее стрельцы (число которых уменьшилось в смуту) и, наконец, казаки, Философов точно определяет число дворян в 2000, число стрельцов в 1000 и число казаков в 4500 человек. Получилось такое положение, которое вряд ли могло нравиться московским властям. С роспуском городских дружин служилых и тяглых людей казаки получили численный перевес в Москве. Их некуда было распустить по их бездомности и их нельзя было разослать на службу в города по их ненадежности. Начиная с приговора 30 июня 1611 г., земская власть, как только получала преобладание над казачеством, стремилась выводить казаков из городов и собирать их у себя под рукой в целях надзора, и Пожарский в свое время, в первой половине 1612 г., стягивал служилых подчинившихся ему казаков в Ярославль и затем вел их с собой под Москву. Поэтому-то в Москве и оказалось так много казаков. Насколько мы располагаем цифровыми данными для того времени, можно сказать, что указанное Философовым число казаков «полпята тысячи» очень велико, но вполне вероятно. По некоторым соображениям приходится думать, что в 1612 г. под Москвой с кн. Трубецким и Заруцким сидело около 5000 казаков; из них Заруцкий увел около 2000, а остальные поддались земскому ополчению Пожарского. Не знаем точно, сколько пришло в Москву казаков с Пожарским из Ярославля; но знаем, что немногим позднее того времени, о котором идет теперь речь, а именно в марте и апреле 1613 г., казачья масса в Москве была столь значительна, что упоминаются отряды казаков в 2323 и 1140 человек и ими не исчерпывается еще вся наличность казаков в Москве. Таким образом, надобно верить цифре Философова и признать, что в исходе 1612 г. казачьи войска в Москве числом более, чем вдвое, превосходили дворян и раза в полтора превосходили дворян и стрельцов, вместе взятых. Эту массу надобно было обеспечить кормами и держать в повиновении и в порядке. По-видимому, московская власть этого не достигала, и побежденное земцами казачество снова поднимало голову, пытаясь овладеть положением дел в столице. Такое настроение казаков и отметил Философов словами: «И во всем казаки бояром и дворяном сильны, делают, что хотят».

С одной стороны, казаки настойчиво и беззастенчиво требовали «кормов» и всякого жалованья, а с другой – они «примеривали» на царство своих кандидатов. О кормах и жалованье летописец говорит кратко, но сильно: он сообщает, что казаки после взятия Кремля «начаша прошати жалованья безпрестанно», они «всю казну московскую взяша, и едва у них немного государевы казны отняша»; из-за казны они однажды пришли в Кремль и хотели «побить» начальников (т. е. Пожарского и Трубецкого), но дворяне не допустили до этого и меж ними «едва без крови проиде». По словам Философова, московские власти «что у кого казны сыщут, и то все отдают казакон в жалованье; а что (при сдаче Москвы) взяли в Москве у польских и русских людей, и то все поимали казаки ж». Наконец, архиепископ Арсений Елассонский согласно с Философовым сообщает некоторые подробности о розысках царской казны после московского очищения и о раздаче ее «воинам и казакам», после чего «весь народ успокоился». Очевидно, вопрос об обеспечении казаков составлял тогда тяжелую заботу московского правительства и постоянно грозил властям насилиями с их стороны. Сознывая свое численное превосходство в Москве, казаки шли далее «жалованья» и «кормов»: они, очевидно, возвращались к мысли о политическом преобладании, утерянном ими

вследствие успехов Пожарского. После московского очищения во главе временного правительства почитался казачий начальник боярин князь Трубецкой, главную силу московского гарнизона составляли казаки: очевидна мысль, что казакам может и должно принадлежать и решение вопроса о том, кому вручить московский престол. Стоя на этой мысли, казаки заранее «примеривали» на престол наиболее достойных, по их мнению, лиц. Такими оказались сын бывшего тушинского и калужского царя «Вора», увезенный Заруцким, и сын бывшего тушинского патриарха Филарета Романова. Московским властям приходилось до времени терпеть все казачьи выходки и притязания, потому что привести казаков в полное смирение можно было или силой, собрав в Москву новое земское ополчение, или авторитетом всей земли, создав Земской собор. Торопясь с созывом собора, правительство, конечно, понимало, что произвести мобилизацию земских ополчений после только что оконченного похода под Москву было бы чрезвычайно трудно. Других средств воздействия на казачество в распоряжении правительства не было. Терпеть приходилось еще и потому, что в казачестве правительство видело действительную опору против вожделий королевских приверженцев. Философов недаром говорил, что «бояре и лучшие люди» в Москве таили свое желание пригласить Владислава, «боясь казаков». Против поляков и их московских друзей казаки могли оказать существенную помощь, и Сигизмунд повернул назад от Москвы в конце 1612 г. скорее всего именно ввиду «полупяты тысячи» казаков и их противоположного настроения. Счеты с агентами и сторонниками Сигизмунда тогда в Москве еще не были закончены, и отношения к царю Владиславу Жигимонтовичу еще не были ликвидированы. Философов сообщал, что в Москве арестовано «за приставы русских людей, которые сидели в осаде: Иван Безобразов, Иван Чичерин, Федор Андронов, Степан Соловецкий, Бажен Замочников; и Федора де и Бажена пытали на пытке в казне». Согласно с этим и архиепископ Арсений Елассонский говорит, что по очищении Москвы «врагов государства и возлюбленных друзей великого короля, Ф. Андронova и Ив. Безобразова, подвергли многим пыткам, чтобы разузнать о царской казне, о сосудах и о сокровищах... Во время наказания их (т. е. друзей короля) и пытки умерли из них трое: великий дьяк царского судилища Тимофей Савинов, Степан Соловецкий и Бажен Замочников, присланные великим королем довереннейшие казначеи его к царской казне». По обычаю той эпохи, «худых людей, торговых мужиков, молодых детишек боярских», служивших королю, держали за приставами и пытали до смерти, а великих бояр, виновных в той же службе королю, только «в думу не припускали» и, самое большое, держали под домашним арестом, пока земский совет в городах не решит вопроса: «пускать их в думу, или нет?» До нас не дошли грамоты, которые были, по словам Философова, посланы в города о том, можно ли бояр князя Мстиславского «с товарищи» пускать в думу. Но есть полное основание считать, что на этот вопрос в Москве в конце концов ответили отрицательно, так как выслали Мстиславского «с товарищи» из Москвы куда-то «в городы» и произвели государево избрание без них. Все эти меры против московского боярства и московской администрации, служивших королю, временное московское правительство кн. Д. Т. Трубецкого, кн. Д. М. Пожарского и «Куземки» Минина могло принимать главным образом с сочувствием казачества, ибо в боярах и лучших «людях» еще жива была тенденция в сторону Владислава.

Таковы были обстоятельства московской политической жизни в конце 1612 г. Из рассмотренных здесь данных ясен тот вывод, что победа, одержанная земским ополчением над королем и казаками, требовала дальнейшего упрочения. Враги были побеждены, но не уничтожены. Они пытались, как могли, вернуть себе утраченное положение, и если имя Владислава произносилось в Москве негромко, то громко раздавались имена «Филаретова сына и Воровского Калужского». Земщине предстояла еще забота – на Земском соборе настоять, чтобы не прошли на престол ни иноземцы, ни самозванцы, о которых, как видим, еще смели мечтать побежденные элементы. Успеху земских стремлений в особенности могло мешать то обстоятельство, что Земскому собору предстояло действовать в столице, занятой в большинстве казачьим гарнизоном. Преобладание казачьей массы в городе могло оказать некоторое давление и на представительное собрание, направив его так или иначе в сторону казачьих вождельцев. Насколько мы можем судить, нечто подобное и случилось на избирательном соборе 1613 г. Иностранцы после избрания на престол царя Михаила Федоровича получили такое впечатление, что это избрание было делом именно казаков. В официальных, стало быть ответственных, беседах литовско-польских дипломатов с московскими в первые месяцы после выбора Михаила русским людям приходилось выслушивать «непригожие речи»: Лев Сапега грубо высказал самому Филарету в присутствии московского посла Желябужского, что «посадили сына его на Московское государство государем одни казаки донцы»; Александр Гонсевский говорил князю Воротынскому, что Михаила «выбирали одни казаки». Со своей стороны, шведы высказывали мнение, что в пору царского избрания в Москве были «казаки в московских столпах сильнейшии». Эти впечатления посторонних лиц встречают некоторое подтверждение и в московских исторических воспоминаниях. Разумеется, нечего искать таких подтверждений в официальных московских текстах: они представляли дело так, что царя Михаила сам Бог дал и всей землей обрали. Эту же идеальную точку зрения усвоили себе и все русские литературные сказания XVII в. Царское избрание, замирившее смуту и успокоившее страну, казалось особым благодеянием Господним, и приписывать казакам избрание того, кого «сам Бог объявил», было в глазах земских людей неприличной бессмыслицей. Но все-таки в московском обществе осталась некоторая память о том, что в счастливом избрании законного государя приняли участие и проявили почин даже и склонные ко всякому беззаконию казаки. Авраамий Палицын рассказывает, что к нему на монастырское подворье в Москве во время Земского собора приходили вместе с дворянами и казаки с мыслью именно о Михаиле Федоровиче Романове и просили его довести их мысль до собора. Изданный И. Е. Забелиным поздний и в общем недостоверный рассказ о царском избрании 1613 г. включает в себе одну любопытнейшую подробность о том, что права Михаила на избрание объяснил собору, между прочим, «славного Дону атаман». Эти упоминания о заслугах казаков в деле объявления и укрепления кандидатуры М. Ф. Романова имеют очень большую цену: они свидетельствуют, что роль казачества в царском избрании не была скрыта и от московских людей, хотя им она представлялась, конечно, иначе, чем иноземцам.

Руководясь приведенными намеками источников, мы можем себе ясно представить, какой смысл имела кандидатура М. Ф. Романова и каковы были условия ее успеха на Земском соборе 1613 г.

Собравшись в Москву в исходе 1612 или в самом начале 1613 г., земские выборные хорошо представили собой «всю землю». Окрепшая в эпоху смуты практика выборного представительства позволила избирательному собору на самом деле представить собой не одну Москву, а Московское государство в нашем смысле этого термина. В Москве оказались представители не менее 50 городов и уездов; представлены были и служилый и тяглый класс населения; были и представители казаков. В своей массе собор оказался органом тех слоев московского населения, которые участвовали в очищении Москвы и восстановлении земского порядка; он не мог служить ни сторонникам Сигизмунда, ни казачьей политике. Но он мог и неизбежно должен был стать предметом воздействий со стороны тех, кто еще надеялся на восстановление королевской власти или же казачьего режима. И вот, отнимая надежду как на то, так и на другое, собор прежде всякого иного решения торжественно укрепился в мысли: «А литовского и свийского короля и их детей, за их многия неправды, и иных некоторых земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки с сыном не хотеть». В этом решении заключалось окончательное поражение тех, кто думал еще бороться с результатами московского очищения и с торжеством средних консервативно настроенных слоев московского населения. Исчезло навсегда «хотение» бояр и «лучших людей», которые «служили» королю, по выражению Философова, и желали бы снова «просити на государство» Владислава. Невозможно было долее «примеривать» на царство и «Воровского Калужского», а стало быть, мечтать о соединении с Заруцким, который держал у себя «Маринку» и ее «Воровского Калужского» сына.

Победа над боярами, желавшими Владислава, досталась собору, думается, очень легко: вся партия короля в Москве, как мы видели, была разгромлена временным правительством тотчас по взятии столицы, и даже знатнейшие бояре, «которые на Москве сидели», вынуждены были уехать из Москвы и не были на соборе вплоть до той поры, когда новый царь был уже избран: их вернули в Москву только между 7 и 21 февраля. Если до собора сторонники приглашения Владислава «именно о том говорити не смели, боясь казаков», то на соборе им надобно было беречься еще более, боясь не одних казаков, но и «всей земли», которая одинаково с казаками не жаловала короля и королевича. Другое дело было земщине одолеть казаков: они были сильны своим многолюдством и дерзки сознанием своей силы. Чем решительнее земщина становилась против Маринки и против ее сына, тем внимательнее должна была она отнестись к другому кандидату, выдвинутому казаками, – «к Филаретову сыну». Он был не чета «Воренку». Нет сомнения, что казаки выдвигали его по тушинским воспоминаниям, потому что имя его отца Филарета было связано с тушинским табором. Но имя Романовых было связано и с иным рядом московских воспоминаний. Романовы были популярным боярским родом, известность которого шла с первых времен царствования Грозного. Незадолго до избирательного собора 1613 г., именно в 1610 г., совсем независимо от казаков, М. Ф. Романова в Москве считали возможным кандидатом на царство, одним из соперников Владислава. Когда собор настоял на уничтожении кандидатуры иноземцев и Маринкина сына и «говорили на соборах о царевичах, которые служат в Московском государстве, но о великих родех, кому из них Бог даст на московском государстве быть государем», – то из всех великих родов естественно возобладал род, указанный мнением казачества. На Романовых

могли сойтись и казаки и земщина – и сошлись: предлагаемый казачеством кандидат легко был принят земщиной. Кандидатура М. Ф. Романова имела тот смысл, что мирила в самом щекотливом пункте две еще не вполне примиренные общественные силы и давала им возможность дальнейшей солидарной работы. Радость обеих сторон по случаю достигнутого соглашения, вероятно, была искренна и велика, и Михаил был избран действительно «единомышленным и нерезвратным советом» его будущих подданных.

Заключение. Результаты смуты.

Освобождением Москвы и избранием царя историки обыкновенно кончают повесть о смуте, – они правы. Хотя первые годы царствования Михаила-тоже смутные годы, но дело в том, что причины, питавшие, так сказать, смуту и заключавшиеся в нравственной шаткости и недоумении здоровых слоев московского общества и в их политическом ослаблении, эти причины были уже устранены. Когда этим слоям удалось сплотиться, овладеть Москвой и избрать себе царя, все прочие элементы, действовавшие в смуте, потеряли силу и мало-помалу успокаивались. Выражаясь образно, момент избрания Михаила – момент прекращения ветра в буре; море еще волнуется, еще опасно, но оно движется по инерции и должно успокоиться.

Так колебалось Русское государство, встревоженное смутой; много хлопот выпало на долю Михаила, и все его царствование можно назвать эпилогом драмы, но самая драма уже кончалась, развязка уже последовала, результаты смуты уже выяснились.

Обратимся теперь к этим результатам. Посмотрим, как понимают важнейшие представители нашей науки факт смуты в его последствиях. Первое место дадим здесь, как и всегда, С. М. Соловьеву. Он (и в «Истории», и во многих своих отдельных статьях) видит в смуте испытание, из которого государственное начало, боровшееся в XVI в. с родовым началом, выходит победителем. Это чрезвычайно глубокое, хотя, может быть, и не совсем верное историческое воззрение. К. С. Аксаков, человек с большим непосредственным пониманием русской жизни, видит в смуте торжество «земли» и последствием смуты считает укрепление союза «земли» и «государства» (под государством он понимает то, что мы зовем правительством). Во время смуты «земля» встала как единое целое и восстановила государственную власть, спасла государство и скрепила свой союз с ним. В этом воззрении, как и у С. М. Соловьева, нет толкований относительно реальных последствий смуты. Это – общая историческая оценка смуты со стороны результатов. Но даже такой общей оценки нет у И. Е. Забелина; он результатами смуты как-то вовсе не интересуется, и о нем здесь мало приходится говорить. Много зато можно сказать о мнении Костомарова, который считает смутное время безрезультатной эпохой. Чтобы яснее представить себе воззрение этого историка, приведем выдержку из заключительной главы его «Смутного времени Московского государства»: «Неурядицы продолжались и после, в царствование Михаила Федоровича, как последствие смутного времени, но эти неурядицы уже не имели тех определенных стремлений – ниспровергнуть порядок государства и поднять с этой целью знамя каких-нибудь воровских царей; а таков именно был в начале

XVII в. характер самой эпохи смутного времени, не представляющей ничего себе подобного в таких эпохах, какие случались и в других европейских государствах. Чаще всего за потрясениями этого рода следовали важные изменения в политическом строе той страны, которая их испытывала; наша смутная эпоха ничего не изменила, ничего не внесла нового в государственный механизм, в строй понятий, в быт общественной жизни, в нравы и стремления, ничего такого, что, истекая из ее явлений, двинуло бы течение русской жизни на новый путь, в благоприятном или неблагоприятном для нее смысле. Страшная встряска перебуровила все вверх дном, нанесла народу несчетные бедствия; не так скоро можно было поправиться после того Руси, – и до сих пор после четверти тысячелетия, не читающий своих летописей народ говорит, что давно-де было „литейное разорение“; Литва находила на Русь, и такая беда была наслана, что малость людей в живых осталось и то оттого, что Господь на Литву слепоту наводил. Но в строе жизни нашей нет следов этой страшной кары Божьей: если в Руси XVII в., во время, последующее за смутной эпохой, мы замечаем различие от Руси XVI в., то эти различия произошли не из событий этой эпохи, а явились вследствие причин, существовавших до нее или возникших после нее. Русская история вообще идет чрезвычайно последовательно, но ее разумный ход будто перескакивает через смутное время и далее продолжает свое течение тем же путем, тем же способом, с теми же приемами, как прежде. В тяжелый период смуты были явления новые и чуждые порядку вещей, господствовавшему в предшествовавшем периоде, однако они не повторялись впоследствии, и то, что, казалось, в это время сеялось, не возросло после».

Можно ли согласиться с таким воззрением Костомарова? Думаем, что нет. Смута наша богата реальными последствиями, отозвавшимися на нашем общественном строе на экономической жизни ее потомков. Если Московское государство кажется нам таким же в основных своих очертаниях, каким было до смуты, то это потому, что в смуте победителем остался тот же государственный порядок, какой формировался в Московском государстве в XVI в., а не тот, какой принесли бы нам его враги – католическая и: аристократическая Польша и казачество, жившее интересами хищничества и разрушения, отлившееся в форму безобразного «круга». Смута произошла, как мы старались показать, не случайно, а была обнаружением и развитием давней болезни, которой прежде страдала Русь. Эта болезнь окончилась выздоровлением государственного организма. Мы видим после кризиса смуты тот же организм, тот же государственный порядок. Поэтому мы и склонны думать, что все осталось по-прежнему без изменений, что смута была только неприятным случаем без особенных последствий. Пошаталось государство и стало опять крепко, что же тут может выйти нового? А между тем вышло много нового. Болезнь оставила на уцелевшем организме резкие следы, которые оказывали глубокое влияние на дальнейшую жизнь этого организма. Общество переболело, оправилось, снова стало жить и не заменилось другим, но само стало иным, изменилось.

В смуте шла борьба не только политическая и национальная, но и общественная. Не только воевали между собой претенденты на престол московский и сражались русские с поляками и шведами, но и одни слои населения враждовали с другими: казачество боролось с оседлой частью общества, старалось возобладать над ней, построить землю по-своему – и не

могло. Борьба привела к торжеству оседлых слоев, признаком которого было избрание царя Михаила. Эти слои и выдвинулись вперед, поддерживая спасенный ими государственный порядок. Но главным деятелем в этом военном торжестве было городское дворянство, которое и выиграло больше всех. Смута много принесла ему пользы и укрепила его положение. Служилый человек и прежде стоял наверху общества, владел (вместе с духовенством) главным капиталом страны – землей – и завладевал земледельческим трудом крестьянина. Смута помогла его успехам. Служилые люди не только сохранили то, что имели, но благодаря обстоятельствам смуты приобрели гораздо больше. Смута ускорила подчинение им крестьянства, содействовала более прочному приобретению ими поместий, давала им возможность с разрушением боярства (которое в смуту потеряло много своих представителей) подниматься по службе и получать больше и больше участия в государственном управлении; Смута, словом, ускорила процесс возвышения московского дворянства, который без нее совершился бы несравненно медленнее.

Что касается до боярства, то оно, наоборот, много потерпело от смуты. Его нравственный кредит должен был понизиться. Исчезновение во время смуты многих высоких родов и экономический упадок других содействовали дополнению рядов боярства сравнительно незначительными людьми, а этим понижалось значение рода. Для московской аристократии время смуты было тем же, чем были войны Алой и Белой Роз для аристократии Англии: она потерпела такую убыль, что должна была воспринять в себя новые, демократические, сравнительно, элементы, чтобы не истощиться совсем. Таким образом, и здесь смута не прошла бесследно.

Но вышесказанным не исчерпываются результаты смуты. Знакомясь с внутренней историей Руси в XVII в., мы каждую крупную реформу XVII в. должны будем возводить к смуте, обуславливать ею. В корень подорвав экономическое благосостояние страны, шатавшееся еще в XVI в., смута создала для московского правительства ряд финансовых затруднений, которые обуславливали собой всю его внутреннюю политику, вызвали окончательное прикрепление посадского и сельского населения, поставили московскую торговлю и промышленность на время в полную зависимость от иностранцев. Если к этому мы прибавим те войны XVII в., необходимость которых вытекала прямо из обстоятельств, созданных смутой, то поймем, что смута была очень богата результатами и отнюдь не составляла такого эпизода в нашей истории, который случайно явился и бесследно прошел. Не рискуя много ошибиться, можно сказать, что смута обусловила почти всю нашу историю в XVII в.

Так обильны были реальные, видимые последствия смуты. Но события смутной поры, необычайные по своей новизне для русских людей и тяжелые по своим последствиям, заставляли наших предков болеть не одними личными печальми и размышлять не об одном личном спасении и успокоении. Видя страдания и гибель всей земли, наблюдая быструю смену старых политических порядков под рукой и своих и чужих распорядителей, привыкая к самостоятельности местных миров и всей земщины, лишенный руководства из центра государства русский человек усвоил себе новые чувства и понятия: в обществе крепло чувство национального и религиозного единства, слагалось более отчетливое представление о государстве. В XVI в. оно еще не мыслилось как форма народного общежития, оно казалось вотчиной государевой, а в XVII

в., по представлению московских людей, – это уже «земля», т. е. государство. Общая польза, понятие, не совсем свойственное XVI веку, теперь у всех русских людей сознательно стоит на первом плане: своеобразным языком выражают они это, когда в безгосударственное время заботятся о спасении государства и думают о том, «что земскому делу пригодится» и «как бы земскому делу было прибыльнее». Новая, «землю» установленная власть Михаила Федоровича вполне усваивает себе это понятие общей земской пользы и является властью вполне государственного характера. Она советуется с «землю» об общих затруднениях и говорит иностранцам по поводу важных для Московского государства дел, что «такого дела теперь решить без совета всего государства нельзя ни по одной статье». При прежнем господстве частноправных понятий, еще и в XVI в., неясно отличали государя как хозяина-вотчинника и государя как носителя верховной власти, как главу государства. В XVI в. управление государством считали личным делом хозяина страны да его советников; теперь, в XVII в., очень ясно сознается, что государственное дело не только «государево дело», но и «земское», так и говорят о важных государственных делах, что это «великое государство и земское» дело.

Эти новые, в смуту приобретенные, понятия о государстве и народности не изменили сразу и видимым образом политического быта наших предков, но отзывались во всем строе жизни XVII в. и сообщали ей очень отличный от старых порядков колорит. Поэтому для историка и важно отметить появление этих понятий. Если, изучая Московское государство XVI в., мы еще спорим о том, можно ли назвать его быт вполне государственным, то о XVII в. такого спора быть не может, потому уже, что сами русские люди XVII в. сознали свое государство, усвоили государственные представления, и усвоили именно за время смуты, благодаря новизне и важности ее событий. Не нужно и объяснять, насколько следует признавать существенными последствия смуты в этой сфере общественной мысли и самосознания.